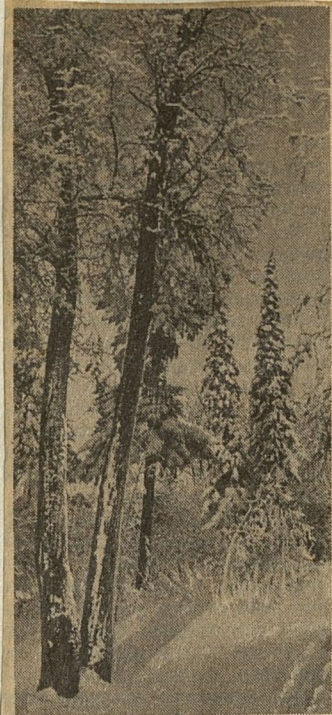

НАТАЛЬИН ГОД

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

ДВЕ НАТАЛИИ. Одна становится женой любимого поэта, другая покидает любимого ею прежде поэта.

Все происходит в одну зиму, в одно лето, в один и тот же 1831 год.

Один поэт радостно: «О, как мучительно тобою счастлив я». Другой горестно: «Как я забыт, как одинок», «Будь счастлива несчастием моим». Один: «Ты предаешься мне нежна». Другой: «Все изменило мне, везде отравы, лишь лиры звук мне неизменен был...»

Одна Наташа родилась в 30 верстах от Тамбова в поместье, расположенном при впадении реки Карин в реку Цну. Внучка Кутузова, графиня Дарья, записала в дневнике — глаза у нее зеленовато-карие, светлые и прозрачные (я подумал: карие — потому что родилась на реке Карин?). В ней есть что-то воздушное и трогательное, невозможно быть прекраснее, иметь более поэтическую внешность.

Другая Наташа выросла в Подмосковье, на берегу реки Клязьмы. Наш современник, который многие годы посвящал разгадыванию тайны биографии младшего из поэтов, первым вынул из большого, с коваными наугольниками сундука на Зубовском бульваре в доме № 12, квартира 1 — вход со двора, несколько ступенек и дверь — вынул светлокорицевого рамы и увидел лицо той, которую в свое время поэт так любил. Портрет был сделан художником Бинеманном карандашом и процарапан иглой: «...черты благородны, в уголках красивого рта спрятана любезная улыбка, спокойный взгляд загадочен. Высокая прическа, полнота кохатых обнаженных плеч, тонкая шея, украшенная тяжелым ожерельем...»

Наташа, рожденная у реки Карин, будет называть мужа «мой господин и повелитель». А господин и повелитель будет писать ей, что он полюбил окончательно, и голова у него закружилась. Поначалу Наташа была «неприступным Карсом» (знаменитая турецкая крепость), и поэт восклицал: «О, горе мне! Карс! Карс! Прощай, бел свет! Умру!»

Другая Наташа, с берегов реки Клязьмы, на слова своего поэта, что он ее полюбил всем напряжением душевных сил, сказала, что любит другого. Он ей ответил: я не достоин, может быть, твоей любви, не мне судить. И просит совсем о небольшом уже последнем одолжении: взглянуть приветно в час раслуки.

Первая Наташа — Чистойшей прелести чистейший образец, Мадонна («Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас, как две капли воды»). Возможно, старший поэт стоял перед мадонной Рафаэля в Эрмитаже или перед мадонной, которая демонстрировалась в книжном магазине Сленика на Невском проспекте). И клязьминская Наташа — Мадонна («Она была похожа на портрет мадонны — и мадонны Рафаэля»), чудное создание («не могу ничего путного сказать, когда сижу против этого чудного создания!»), богиня юных дней.

Первая Наташа — Ангел («мой прелестный ангел. Целую кончики ваших крыльев»). Милый мой друг, Душа моя. Она же — Ее Высокоблагородие Милостивая Государыня Наталия Николаевна. Она же Таша — в семье, домашнему.

Вторая — Бесчувственное божество, Обманщица прекрасная, и при этом опять горестное восклицание: как нежно, пламенно любил я! О бог, зачем ты дал мне огненное сердце, которое любит и ненавидит до крайности... ты виновен!..

Старший поэт и Наташа в ту же зиму, в тот же 1831 год — обвенчались («Ах, женка душа!»). Когда добивался согласия на брак и приезжал к Гончаровым на Большую Никитскую, то с такой стремительностью врывался с крыльца в дом, что в самую столовую влетала из прихожей калюша: поэту нетерпелось поскорее увидеть Милостивую Государыню Наталию Николаевну. На письмах к ней помечал: «Самонужнейшее». Вяземский написал тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения.

Младший поэт, или Любезный маленький гусарик, или Маёша, как звали его потом друзья, направляясь с Малой Молчановки, где он жил с бабушкой, в университет, ходил мимо храма Большого Вознесения у Никитских ворот. Старший венчался в этом храме. Присутствовавшая на церемонии Екатерина Долгорукова

отмечала: венчались в приходе невесты у Большого Вознесения. И еще сохранилось свидетельство, что на свадьбе все любовались веселостью и радостью поэта и его молодой супруги, которая была изумительно хороша.

Пушкин и его Наташа поселились на Арбате (ныне дом № 53), участвуют в проводах масленицы, едят блины в одном из гостеприимных домов Москвы — у Пашковых, катаются на санях, смотрят «живые картины» у Голицына, в которых год назад участвовала и Наташа в роли основательницы Карфагена — Дидоны. Присутствуют на балу у Долгоруковых, которые жили на Большой Никитской, через дом от Гончаровых, у Анастасии Щербининой — дочери княгини Дашковой. Сами дают парадный ужин у себя на Арбате.

Шел разлив славы Александра Сергеевича как женатого, семейного человека. Москва, которая пленяет пестротой, старинной роскошью, пирами, невестами, колоколами, забавной легкой суетой, не сводила глаз с поэта и его жены.

М-ль Натали — м-м Пушкина, по которой будет потом вздыхать на берегах «роскошной, царственной Невы» и весь «молодой С.-Петербург», потому что ее «лучезарная красота» рядом с «магическим именем Пушкина» всем уже теперь кружила голову. И опять она, в который раз, — Мадонна, Ангел («Поздравляю тебя со днем твоего Ангела, мой Ангел!»); или вдруг весело, с улыбкой: «Вот тебе отчет до самого Натальина дня» — «Голкондских алмазов дожидаться не намерен, и в новый год выведу тебя в бусах». Другу Нащокину: «Буду жить потихоньку, без тещи, без экипажа». А в онегинских вариантах есть шуточные строки: «Я жил поэтом — без дров зимой, без дрожжек летом».

У Пушкиных появятся дети, и среди них появится и дочь Наташа, которую в семье, под домашнему, будут звать Ташей. И про нее тоже говорили, что она «лучезарно» красива и что она «прекрасная дочь прекрасной матери». Портрет ее сделал тот же талантливый портретист Иван Кузьмич Макаров, который рисовал и Наталию Николаевну Гончарову. Дочь вышла замуж, и у нее родилась дочь... Наташа, под домашнему Таша.

...ПРОЙДЕТ много лет. Наступит следующее столетие...

Передо мной газета от 1 июня 1949 года «За боевые темпы». Многотиражка завода имени Владимира Ильича. Я бережно храню этот номер газеты. Еще будучи студентом Литературного института, я руководил на заводе Владимир Ильича литобъединением. В газете большая фотография — правнуки и праправнуки Пушкина в гостях у ильичевцев. И в первом ряду с букетом цветов сидит на колене у старшего рабочего завода — слесаря Бадайкина — он бережно придерживает ее одной рукой — худенькая девочка в полосатом платье с короткими рукавами и легким шарфиком, прикрывающим шею. Это 12-летняя праправнучка Пушкина... Наташа Пушкина. Она гостья огромного электромеханического завода. Наташа...

...Пройдут еще годы. Десятилетия. И я познакомлюсь с самой ее Высокоблагородием Милостивой Государыней Наталией Николаевной Гончаровой. Да-да, не удивляйтесь. Познакомлюсь я с нею, когда впервые загляну на Кропоткинскую улицу в строение № 7 (книжные фонды Музея Пушкина). Надо было собрать подробности об арбатской квартире Пушкина, где Пушкин поселился после свадьбы. Мне сказали, что материалы на эту тему подберет сама Наталия Николаевна... Гончарова.

— ???.. — Ей лучше всех знать арбатский период жизни Пушкина.

Работникам фондов доставляло удовольствие загонять меня в тупик.

— Вы что не согласны? — Согласен, — пробормотал я, загнанный в тупик.

Сижу в строении № 7 перед Наталией Николаевной. Она только что подобрала мне нужные материалы. Почему она Наташа Гончарова, хотя она Маша Еремеева? Маша похожа на Наталию Николаевну. Особенно когда с помощью театральных средств достигает сходства с портретом Макарова, который выставлен в музее на Кропоткинскую. И к тому же, будучи студенткой театрального факультета ГИТИСа, долгое время жила в квартире Пушкиных. «Ах, на Арбате, возле МИДА, стоит старинный особняк».

Так начинается поэма из нынешних арбатских времен, из времен нынешней Наталии Николаевны. В поэме есть строчка, что Пушкин «проверял, кого судьба сюда вселила, кому до срока поручила сию священную обитель». Почему до срока? Потому что до восстановления пушкинской квартиры в ней селились студенты ГИТИСа. Они же сочинили поэму «Пушкин на Арбате».

— Вместе с нами жил друг степеней калмык с режиссерского факультета. «Какое чудное виденье! Сам друг степеней в моей квартире». Он женился на нашей студентке. Сейчас они живут и работают в театре в Элисте.

— Элисте калмычка?

— Да. «Гурьбой степенные други и их глазастые подружки».

— Это все, конечно, из поэмы «Пушкин на Арбате».

— Свадьба была веселой?

— Вполне пушкинской. Ломбард закрыт, и неизвестно, где достать денег.

— Коли можешь, достань. Я на мели, — вспомнил я слова Пушкина к Нащокину. Пушкин писал это перед свадьбой.

И мы с Машей Еремеевой смеемся.

— Свадебный стол был накрыт в пушкинских комнатах, — продолжала вспоминать Маша. — И молодые сидели, может быть, на тех же местах. Не знаю, как у Александра Сергеевича было с винегретом, у нас винегрета хватило на всех.

И мы опять смеемся.

— «По дому тихо кто-то бродит и в занавеске, как сверчок, пылает Пушкина зрачок».

Маша дальше читает студенческую поэму.

— Когда же вы, Маша, делаетесь Наталией Николаевной?

— Когда надеваю придворное платье. Будь молода, потому что ты молода, и царствуй, потому что ты прекрасна! Помните? Пушкин Наталия Николаевна. Надеваю придворные драгоценности. Прическу тоже делаю придворную. Я живу во флигеле, во дворе. Все у меня придворное.

— И выезжаете на бал!

— Придворный. — Маша смеется.

...ПОЗДНИЙ час. Луна и ночь. Уснувший город. Маёша в своей комнате в доме на Малой Молчановке. В этот поздний час он учился побеждать страдания, потому что «сердца лучшая струна оборвалась». На полу — разорванные листы черновиков, шершавые от присыпанного песка. Взяв новый чистый лист, он написал — ты со мною не умрешь: моя любовь тебя отдаст бессмертной жизни вновь; с моим названием стану повторять твое: на что им мертвых разлучать?

Этот лист он не разорвал. Так и случилось — его любовь сделала Наталию Федоровну Иванову, ее имя бессмертным, хотя Наташа — Дева нежная лицом, Дева чудная («Деву чудную люблю я...», «Которой все богатство — красота...») стала впоследствии м-м Обресковой. У Обресковых появятся дети, и среди них — дочь Наташа. Выйдет замуж, и у нее родится дочь... Наташа — Наталья Сергеевна Макалова, с которой и встречался наш современник Ираклий Андроников на Зубовском бульваре в доме № 12, квартира 1. Вход со двора, несколько ступенек и дверь.

И каждая из Наташ, из семьи Обресковых, будет знать о некогда существовавшей любви поэта к Н. Ф. И. и будет где-то в глубине души сочувствовать Лермонтову.

У Наталии Федоровны Ивановой хранились в шкатулке стихи Лермонтова, письма, пока их не уничтожил Обресков. Хранился экземпляр пьесы «Странный человек», в которой поэт рассказывал о себе и о Наташе и специально для нее переписал экземпляр. У пьесы есть предпоследнее: «Лица, изображенные мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтобы они были узнаны, — тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей...»

В Музее Лермонтова на Малой Молчановке в комнате Лермонтова, в мезонине, стоит бюро красного дерева. Некоторые считают, что бюро из семьи Ивановой-Обресковой. Приобретено было для музея. Может быть, когда-то стояло и в Никольском-Тимонино (Сказка? Пусты!), где на берегу Клязьмы жила Наташа и куда «на серой, борзой лошади» мчался вдоль берега крутого Клязьмы Маленький Гусарик — верил он своей любви и для любви не знал преграды.

СЧИТАЕТСЯ, Лермонтов не рисовал Наташу. Известный московский художник-график Людмила Николаевна Шаталова настаивает — рисовал.

Первое изображение клязьминской Наташи Людмила Николаевна обнаружила на рукописи драмы «Люди и страсти». В посвящении были какие-то инициалы. Позже Лермонтов их густо зачеркнул. На том же листе находился рисунок — портрет девушки. Шаталова сопоставила портрет Ивановой (Бинеманна), который Ираклий Луарсабович Андроников подарил всем нам, с этим, лермонтовским. Убедилась — Наташа Иванова. Поэт инициалы заменил рисунком той, которая дерзко проникла в его сердце и которую он так романтически нежно любил. Точечность портретов, замеченную интуитивно глазами художника-исследователя, подтверждали и специалисты-эксперты. А в рисунок Лермонтов включил и свою тайну. Какую?

Шаталова находит образы Наталии Ивановой и на черновике стихотворения «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор»). На полях рукописи нарисована в профиль девушка. Считается — Екатерина Сушкова. Но ближе к рисунку поставлена дата «26 августа». А 26 августа по Месяцеслову — день Наталии.

— Вы помните, как Лермонтов отозвался о Сушковой? — сказала Людмила Николаевна. — Она летучая мышь,

крылья которой зацепляются за все встречное. И неужели ей предназначались «Стансы»? — Людмила Николаевна возмущена. — А романтическая драма «Странный человек»?.. Первая сцена помечена тоже 26 августа. И поэт Владимир Арбенин говорит о героине драмы Наталии Федоровне Загорскиной словами почти «Стансов». А Владимир Арбенин — сам Михаил Лермонтов. Так при чем тут Сушкова?

Трудно что-либо возразить Шаталовой. Во всяком случае мне.

Я держу на коленях альбом рисунков Лермонтова. Внимательно, как просила Людмила Николаевна, гляжу в лупу на рисунок «Молодая женщина и старуха».

Наташа и Лермонтов. Сел он передел старухой.

Я с недоумением гляжу теперь на Шаталову.

— Вы не все увидели. Рисунок подписан. Лично поэтом.

Вновь лупа направлена на рисунок, но все равно только с помощью Шаталовой я прочитаю на одежде старухи крупную и довольно четкую цифру «1830» и монограммы, запертые в штрихах, «МЛ» и «ИФ».

Не успел я осознать все вдруг мною увиденное в рисунке «Молодая женщина и старуха», как Шаталова показывает следующую группу штрихов в следующих рисунках и новую необычайно гибкую и легкую монограмму, сплетенную из «МЮЛ» и «НФИ».

— Я называю — Мечтательное облачко. И знаете почему? Лермонтов говорил, что любит смотреть на разнovidные облака, полные ревности и беспокойства. Это облако Мечтательное. Оно повисло на какое-то время над ним, над его судьбой. «И если о любви пою, она была моей мечтой».

Людмила Николаевна смотрит в окно с восемнадцатого этажа на небольшой деревянный с мезонином в три окна светло-коричневый дом на Малой Молчановке, в котором жил Лермонтов: мы с Людмилей Николаевной возьмем лупу, спустимся с восемнадцатого этажа и пойдем сейчас туда; пойдем, как в сказку. Людмила Николаевна покажет мне уже не в альбоме рисунки Лермонтова, а подлинники; покажет так, как она их видит. Откроем тайнопись — сказочно простую и сказочно невероятную!

Подсчитано — Пушкин нарисовал Наташу Гончарову не менее четырнадцати раз. Лермонтов нарисовал Наташу Иванову примерно столько же раз. Так полагает Людмила Николаевна Шаталова.

...НОВЫЙ ГОД. Затеваешь бал в Москве у известного танмейстера Петра Иогеля в доме Кологривовых на Тверском бульваре, где Пушкин зимой встретил свою Наташу. Ей было тогда шестнадцать лет, и она впервые надевала длинное платье и вышла в свет. А это Лермонтов о своей Наташе: «Я видел раз ее в веселом вихре бала...» Гремели шпоры, к ней кавалер незримый подходил и в мнимый вальс с собою уносил. Барышни, как «бледный цвет подснежный», в вальсовых платьях дымковых с лентами или из кисей, в тонкой руке — веер: сложенное крыло птицы в ожидании полета.

Дом Кологривовых с аттиком и лепными венками над окнами, подъезд убран красным праздничным сукном. И Александр Пушкин, по собственному выражению, — смеясь обезьяны с тигром, радостный идет в широком черном фраке по морозному Тверскому бульвару, самому московскому в Москве. Мороз, и снегу более теперь, нежели когда-либо, а я поэта Пушкина видел на бульваре в одном фраке; но правда и то, что пылкое воображение стоит шубы, — это Александр Булаков в письме к брату. А Пушкин идет и хочется при этом до слез, еще бы — умора: отец Анны Керн убедил маленьких детей, что Пушкин сделан из сахара и яблок и его можно съесть. Умора!

Пушкин будет писать это слово в письмах к Наташе. Другим было уже известно, что его Таша любит объедаться вареньем и непрестанно угощает им Пушкина. Кончился «Тверской Ловелас» с «чертовски черными бакенбардами».

Идет и Маленький Гусарик — тоже радостный и тоже с пылким воображением, готовый слепить из снега что-нибудь самое презабавное здесь же, на Тверском бульваре. Мишель был мастер делать из снега человеческие фигуры в колоссальном виде — это Аким Шан-Гирей, троюродный брат и друг Лермонтова.

...Пушкин, Лермонтов. Они молоды и никто из них не будет убит. Сверчок и Маёша. Наташи в вас влюблены. У Пушкина не погаснет венчальная свеча, как это случилось в храме Большого Вознесения. У Лермонтова счастливо упадет монета, которую он имел привычку подкидывать, проверить свое счастье.

Я впрягу лошадей в новую годную хрустящую карету и отвезу Наташ на вальсовый полет, туда, где сияние, музыка, цветы и кровь кипит от душевной тесноты.

— С Новым годом, Наташи, — шепчу я в полночь. — С Новым счастьем!

Михаил КОРШУНОВ.